

— Ик... ик...

Надув мягкие щеки, Лапель глубоко вдохнул и задержал дыхание, проглотив очередной крик. Веразель выбросила старую одежду мальчика и сменила ее на удобные штаны и рубашку, которые в прошлом носила сама.

Когда она купала малыша, он так рыдал, словно наступил конец света. Она даже думала, что оглохнет.

— Лапель, прости. Я должна вымыть тебя.

— Страшно! Вода! Нет!

Угрюмый Лапель отвернул свое маленькое личико, игнорируя Веразель. Его черные волосы мягко подпрыгнули.

Ей не нравилось купать незнакомца в ванне, не позвав служанок, но мальчик был так грязен, что потребовалось десять минут, только чтобы как следует намочить его. Прошел час, когда она вымыла, наконец, его волосы и начала отмывать грязное тело.

После купанья внешний вид главного героя стал отчетливым.

Даже в пятилетнем возрасте он уже был примечателен. Черные волосы, мягкие и блестящие как струящийся шелк, выразительные красные глаза и белая кожа были привлекательны. Его лицо пока еще было по-детски круглым, но с этой сияющей кожей и прямым носом обещало со временем стать по-настоящему красивым.

«Вот почему, должно быть, он стал главным героем. Я с нетерпением ожидала, что случится в будущем Лапеля. Очевидно, что множество женщин будут молчаливо обожать его».

Однако у Лапеля, как у главного героя, будет лишь одна героиня.

— Мне действительно жаль, Лапель. Я этого больше не сделаю.

Пока Веразель держала круглые щеки ребенка обеими ладонями, надувшийся мальчик медленно обернулся.

— Вода... Плохо.

— Да, Лапель терпеть не может воду, мне жаль, я больше так не поступлю.

Дружелюбный голос Веразель быстро принес Лапелю облегчение. Он подбежал к ней и просил, чтобы она обняла его. Веразель подняла ребенка, держащегося за ее ногу.

Только что искупавшийся Лапель пах свежестью и чистотой как младенец.

— Вода... — пробормотал Лапель, потираясь лицом о свое плечо.

«Ты такой маленький и поэтому боишься воды? Или у тебя остались плохие воспоминания, связанные с водой?».

Она осторожно спросила, похлопывая его по спине:

— Лапель. Могу ли я спросить, почему ты так страшишься воды? Что ты делаешь?

— Хнык!

Лапель издал такой звук, словно ярко представил себе, как тонет.

— Ты когда-нибудь падал в воду? Ты когда-нибудь тонул?

Рапелион завозился у Веразель на руках. Он упрямо отказывался обсуждать эту тему.

— Мне жаль. Я больше не буду тебя спрашивать.

Когда маленькое хрупкое тело дрожало, Веразель больше и вправду не могла спрашивать его.

«Это странно. С тобой случилось что-то такое, что могло вызвать у тебя страх воды?».

Она попыталась вспомнить детали, описанные в новелле, но ей это не удалось.

«Боюсь, его страх воды быстро не исчезнет».

Веразель, задумавшаяся над судьбой ребенка, решительно закусил губу.

«Я не должна интересоваться этим больше. Герцог в любом случае позаботится о Лапеле. Мне просто нужно доставить его к герцогу, который разыскивает своего племянника, и получить награду. Таким образом, мои отношения с Лапелем закончатся. Так что, если я слишком к нему привяжусь, это не принесет ничего хорошего».

— Леди, я принесла суп.

— Входи.

Веразель поставила Лапеля на кровать, услышав голос служанки. Вскоре она открыла дверь и вошла с детским столиком. Это была мебель, принадлежавшая Веразель, когда она была маленькой. Любящие родители сказали, что вещи, которые использовала их дочь, навевают воспоминания, поэтому решили их сохранить.

По просьбе Веразель служанка поставила миску с теплым супом на крохотный столик.

— Температура подходящая, так что вы можете накормить его прямо сейчас.

— Да, благодарю.

— Хорошо. Если вам что-нибудь понадобится, леди, пожалуйста, позовите меня.

Веразель положила ложку на стол и вручила ее Лапелю.

— Ты сможешь зачерпывать, правда?

Она должна была что-нибудь дать Лапелю, чтобы восполнить недостаток питания, от которого он страдал, и скормить ему прописанное доктором лекарство.

В бульоне были морковь и брокколи. Поскольку суп был приготовлен тщательно, он был мягким, так что с перевариванием проблем не возникло бы.

Лапель взглянул на суп и сглотнул. Но когда увидел внутри нечто оранжевого цвета, молча положил ложку.

— Тебе не нравится морковка?

Лапель наморщился и оттолкнул тарелку своей маленькой рукой, словно ему не хотелось даже смотреть на морковь. Но тут его тощий живот издал грохочущий звук.

«Если ты не поешь как следует, то останешься голодным. Но ты все равно остаешься разборчивым в еде...».

Он обеспокоенно взглянул на нее, чтобы проверить, не злится ли она. Однако Веразель по-прежнему улыбалась, и ее лицо было таким добрым, что это вызвало у Лапеля облегчение.

— Если Рапелион съест весь суп и станет здоровым, он сможет пойти поиграть, как ты думаешь?

Она не злилась на Лапеля и не ругала его. Она не просила ребенка съесть морковь. Если она начнет заставлять есть то, что ему не нравится, у мальчика останутся плохие воспоминания, и он так и будет привередливым впоследствии.

Веразель была осторожна в своих словах и действиях, чтобы не травмировать Лапеля.

— Значит, мы должны есть только три раза?

— Три? ...

— Да, три раза. Мы же сможем, Лапель?

Мальчик сжал кулаки, его маленький рот задвигался. Ее слова не должны были разочаровать Лапеля, и она гладила его по щеке, потому что его детское лицо было очень милым.

— Сейчас... ах... ах...

Мальчик открыл свой маленький рот, зачерпнул полную ложку супа и крепко зажмурился. Когда отправил в рот несколько ложек, сглотнул.

— Как тебе? Осталось только две ложки. Сможешь их съесть, Лапель?

«Не так уж плохо».

Малыш кивнул.

После трех ложек супа Веразель радостно похвалила его. Услышав это, Лапель тут же снова открыл рот — как маленькая птичка, которая просит еды у мамы-птицы.

Веразель зачерпнула ложку и накормила его. Лапель был удивлен, что там поместилось больше, чем в первый раз.

«Только одна ложка осталась. Я не могу сдать».

Она рассмеялась, глядя, как он ест суп, надувая щеки точно хомяк.

Если бы у нее был младший брат, она чувствовала бы то же самое?

Казалось, что она освежилась чашкой сладкого какао, которая создавала внутри теплое и уютное ощущение.

— Последняя.

Под конец суповая миска опустела более чем наполовину. Ей удалось накормить его супом, как она и рассчитывала.

— Я действительно тобой горжусь.

«Я должна сейчас же дать ему лекарство», — осыпая Лапеля похвалами, решительно подумала Веразель.

— Лапель, можешь съесть и это?

Она вынула флакон, который ей дал доктор, и помахала им. Лапель уставился на розоватую жидкость зачарованными глазами и подсознательно прикусил губу.

— Ну, оно очень сладкое, потрясающее.

Мальчик явно был заинтригован, его мучило искушение, но он не разомкнул крепко сжатых губ.

Она использовала свою последнюю уловку. Так делала ее мать, когда она сама в детстве не ела как следует.

— Летит самолетик. Ви-иу!

Веразель размахивала рукой, держащей ложку. Ложка прорезала воздух и летела по извилистому пути.

— Самолет?

«Упс, в этом мире самолетов нет».

Она слишком поздно осознала ошибку и торопливо исправилась:

— Это вещь, которая летает с помощью магии.

— Вау! А ты умеешь летать?

— Да... Если ты будешь есть как следует, однажды тоже так сможешь.

Глаза Лапеля засияли, и он стал дергать головой, следя за движениями ее руки.

Это напоминало ей кошку, которая старается поймать болтающуюся на леске рыбу, и Лизель рассмеялась про себя.

— Ох-ох! Самолет приземляется! Лапель, ах!

Ложка прокрутилась там, где ему сложно было следить, и остановилась у рта малыша.

Лапель непонимающе поглядел на ложку и открыл рот. Веразель, не теряя времени, скормила ему лекарство.

— Отлично, Лапель!

Девушка удовлетворенно улыбнулась и похвалила ребенка, как он того и хотел.

— Хе-хе!

Несмотря на то, что он принял лекарство в оцепенении, на лице Лапеля появилась яркая как солнце улыбка.

В этот миг Рапелиону подумалось, что момент, наступления которого он желал, будет длиться вечно.

«Улыбка, прикосновение и похвала Веразель прекрасны».

Настолько, что Рапелион забыл даже трагические образы родителей.